

Прошло немногим более трёх месяцев, с того памятного дня, когда я умудрился за один день насладиться прелестями родной сестры и маман. Наталья моя цвела, как роза, получая трижды в неделю умопомрачительную еблю, даже немножко забеременела незнамо от кого, то ли от меня, а может быть от муженька, во время их редких встреч в постели, но сильно не расстраивалась, зная, что материнство — удел всех женщин, а потому, не всё ли равно от кого? Мама заезжала за это время раз пять-шесть, не так, чтобы покрутиться в «свете» среди знакомых, а чтобы поиметь меня по полной в течении трёх-четырёх ночей. Когда она отбывала в наше имение, я чувствовал себя лягушкой, которую растоптали и выпустили наружу все внутренности. После таких рандеву я долго и мучительно восстанавливал свою мужскую статью и не отзывался на призывные записки Натали. Работа мне надоела до такой степени, что я искал причины, сказывался больным, лишь бы не ходить туда, да и от пребывания моего в кабинете людям и государству не было никакой пользы. Карты и выпивка — вот основные составляющие моего бытия, благо с деньгами мамочка не скупилась и мне хватало, так же, как и хватало сношений с моими родными. Вчера я был у Наташи, муж её уехал по делам в Новгород, и мы с ней рассматривали забавные картинки, где господа и дамы совокуплялись в мыслимых и немыслимых позах. Конечно, пришла фантазия тут же попробовать всё это на себе, и кувырканье наше продолжалось без малого три часа к общему удовольствию. Моя Natali работала и ротиком, и сочной, белой попкой и, конечно, пиздищей — ненасытной и неужёмной. Придя домой, я застал там кучера из имения, который вручил мне маменькино письмо: « Дорогой Николенька! У нас всё в полном порядке, здоровьем не жалею, что и тебе желаю! Вырастили большой урожай овощей и фруктов, и Потап (матушкин управляющий) сейчас успешно всё распродает. Намедни приехал мой братец Григорий с двумя дочерьми на выданье, ты должен их помнить, у него имение в Херсоне. Он уже старенький и мечтает увидеть тебя — единственного племянника, так как своих сыновей у него нет и уже не будет. Ты, кажется, хотел брать на службе отдых, так приезжай к нам в деревню, очень ждём тебя, особенно я. Твоя мама.»

Кто бы сомневался? Ждёт меня не маман, а её мягкий, волосатый венерин холмик, ждёт и истекает слезами желания. Поехать, что ли? На службе меня дней на десять отпустят, повидаю дядю, кузин. Интересно, сколько им сейчас лет, 17—18? Решено, еду!

Дорога до нашего имения показалась мне невообразимо унылой и скучной. Редкие трактиры, ночёвка на постоялом дворе, бесцветная природа — ужас! Кучер, не имея ни слуха, ни голоса, брался всю дорогу орать песни, чтобы не уснуть и не упасть с брички, но всё плохое когда-нибудь кончается. Когда мы выехали из-за очередной берёзовой рощицы, открылся вид на обширное поле, вековые деревья, обрамляющие его и милый дом, с колоннами и маленьким балконом наверху. Матушка вышла на крыльцо, заохала и крепко меня поцеловала, догадалась хоть при народе — в щёку. Следом за ней появился седой худощавый мужчина и две очаровательные девушки похожие друг на друга, как два яйца, куриных, конечно. Они искоса посматривали на меня, улыбались и о чём-то перешептывались, а я, после долгой дороги, скорее ушёл в дом, а потом — в приготовленную баньку с печкой на берёзовых дровах. Хоть печка и чадила нещадно, я с удовольствием сидел на лавке, хлестал себя веником и омывался из деревянной шайки. Скрипнула дверь, но из-за дыма и пара я не

разглядел, кто вошёл. К спине моей прижались две мягкие, как хлебный каравай, груди, а рука мамы, (кто бы сомневался, что это была она), начала игру с подскочившим, как по команде хуем. Маман зарычала голодной волчицей, впилась в мои губы и быстро оседлала своего сыночка, начав вечный танец любви.

— Приехал, приехал, — шептала она, крепко насаживаясь на хуй. — Сейчас съем тебя всего, без остатка!

Я обнял маму за две полужопки, раздвинул их и засадил в маленькую, коричневую дырочку палец на всю длину. Мама закатила глаза и тонко, по бабьи завизжала, но я вовремя запечатал ей рот поцелуем, а то сбежалась бы на крик вся дворня. Маму начало корёжить и трясти, и я тоже вскоре почувствовал приближение эйфории, но тут чудесное женское тело соскочило с жеребца, и губы, обняв распухшую малиновую залупу, приняли весь мой заряд в рот. Мама проглотила, облизнула головку и, помолодевшими, с искрой глазами, посмотрела на меня:

— Николенька, любовь моя, тебе понравилось?

— Да, мама, ты была очень и очень...

Она провела рукой мне по волосам и ещё раз крепко поцеловала, положив мою ладонь себе на грудь, да так, что мой солдат совершенно пробудился ото сна и поднял голову вверх, словно спрашивая: « Ну, и что дальше? ». Мама облизнулась при виде такой картины, взор её опять затуманился, а тело развернулось ко мне пышной задницей и, что оставалось делать мне? Хуй прошёлся по канавке между булками, задержался напротив сморщенной дырочки и по молодецки вошёл туда, не постучав и не спросив разрешения. Мама вскрикнула и двинулась мне навстречу, насаживаясь ещё глубже. Молодец мой весело резвился внутри, а я, склонившись над маминой спиной, натирал пальцами её набухший секиль, а второй рукою закрывал мамин стонущий и кричащий во весь голос рот. Слился я опять в её ротик, но часть попала на щёки, волосы, подбородок, и мама в изнеможении откинулась на лавку.

Вечером был ужин, неспешные разговоры с дядей, шутки и смех с кузинами и, наконец-то крепкий, здоровый сон при открытом окне. Я очень надеялся, что смогу удовлетворить похоть маман, и она не придёт ночью ко мне в спальню, так и получилось.

Разбудил меня солнечный луч, ярко слепящий глаза и крик петухов на подворье. Решив ещё понежиться, я укрылся пуховым одеялом, закрыл глаза, но сон, как назло не шёл. Ну, что же, первое утро на родине началось рано, но: кто рано встаёт — тому бог подаёт! Я соскочил с кровати, натянул кальсоны с рубашкой и вознамерился спуститься вниз, на первый этаж, где в сенках была отгорожена комнатка для оправления утренних нужд. Выйдя из спальни, я увидел, что дверь в соседнюю комнату приоткрыта и машинально туда заглянул. Перед глазами нарисовалась прекрасная картина: мои сестрёнки лежали на кроватях, стоящих близко друг от друга, разметавшись во сне так, что одеяла сползли с тел, открывая прекрасные грации. Рубашки на обоих задрались, обнажив крепкие, розовые ляжки, а у Лизы и кусочек пьськи, в мелких пшеничных волосиках.

« Почему бы и нет? — подумал я. — Уж, если я пользую родную сестру и мать, то отъебать кузин сам бог велел ».

Я остерёгся своих мыслей при упоминании Всевышнего и истово перекрестился. Освободившись от отходов организма, я вышел на крыльцо. Осеннее утро было чудо, как хорошо! Солнце только-только вставало из-за дальнего леса, было по — летнему тепло и пахло сеном, опавшими листьями и дымом, что поднимался из трубы кухонной пристройки.

Обведя двор глазами я, к своему удивлению, увидел дядюшку, сидящего в беседке и укрытого с груди до ног, тёплым, шерстяным пледом.

— Доброе утро! — поприветствовал я его и сел рядом на лавку.

— Действительно, Коля, утро чудесное и доброе. Вчера за ужином мои вертихвостки так и не дали нам поговорить, да ни беда, ты ведь никуда не торопишься?

— Нет, дядюшка.

Мы сидели около часа, и за это время я узнал много нового. Во-первых: дядя у себя в Херсоне считается очень и очень зажиточным и богатым человеком. Кроме имения, приносящего неплохой ежегодный доход, имеет долю в двух заводах, целую флотилию барж, коими возит к морю зерно и прочие товары, да ещё ведёт какую-то торговлю. Овдовел он лет пять тому назад и с тех пор занимается воспитанием дочерей — двойняшек. Дело это хлопотное, но средства позволяют держать целый штат гувернанток и учителей. Сёстрам недавно исполнилось по 18 лет — самый возраст для замужества, но они не торопились, хотя воздыхателей было воз и маленькая тележка. Сам дядя уже в почтенном возрасте и заниматься хозяйственными делами с каждым годом всё труднее и труднее. Есть управляющие, но над всеми нужен досмотр, а то разорят, и глазом не моргнёшь! Тогда я ещё не знал, к чему он ведёт эти разговоры и выслушивал всё с почтением и вниманием. Тем временем солнце уже поднялось в сером осеннем небе, разголубило его, и тёплые, ласковые лучи осветили пейзаж, открывающийся нам из беседки: большое поле, берёзовая роща, пруд с тёмной, поросшей зеленью водой. Мы с дядей направились к дому, благо там уже все проснулись. День пробежал незаметно в прогулках, играх и веселье. Кузины мои оказались простыми, приветливыми и шаловливыми девушками, засыпали меня вопросами о Петербурге, куда хотели наведаться с дядюшкой через неделю, тем самым подгадав к моему возвращению. Опустился вечер, все плотно поужинали с немалыми воезлияниями и стали разбредаться по комнатам. — Николая, зайди ко мне, — раздался из спальни голос матушки. — Нам нужно поговорить.

Чёрт, у меня на ночь были другие планы, но делать нечего, и я предстал перед светлыми очами мамы, сидящей на кровати в длинном пенюаре.

— Коленька, — зашептала она мне в ухо, усадив рядом с собой. — Ты сегодня ночью непременно должен сюда прийти, иначе обижусь.

А пальчики её в это время теребили мой гульфик, стараясь вытащить петушка наружу, знамо для каких губно-языковых дел.

— Маменька, я что-то плохо себя чувствую...

— Ну, вот, — капризно надула она губки и умоляюще посмотрела мне в глаза. Этого взгляда я выдержать не мог и тут же пообещал, что только все уснут, я прийду.

Лёжа в постели, я дождался полной тишины и, крадучись, вышел из своей спальни, но пошёл не вниз, к маме, а к соседней двери, за которой почивали мои сёстры. Она не была закрыта изнутри, и я осторожно и тихо проник в спальню, огляделся и присел на кровать. За ужином кузины, втайне от своего родителя, выпили довольно-таки много шампанского и должны сейчас крепко спать. Рука моя тихо и нежно поползла под одеяло, пока не нащупала край рубашки и атласную кожу ляжки сестрицы, правда не знаю, какой из двоих, продолжила свой путь вверх и обнаружила волосатый валик, явно прощупывая щёлочку и бугорок, который и стала аккуратно потирать. Сестра вздрогнула во сне, глубоко вздохнула и раздвинула свои прекрасные ножки, облегчая пути для исследования. Теперь вся моя ладонь легла на этот

холмик, а палец стал искать вход в пещерку. Я так увлёкся, что почти не услышал, как вторая сестра приподнялась на локте, с интересом рассматривая открывшуюся картину. У меня всё похолодело внутри, я рывком вытащил руку из-под одеяла, встал и быстро вышел из спальни кузин, лёг в кровать и, закрыв глаза, начал с ужасом представлять скандал, который разразится завтра. Наутро я, с повинным взглядом, спустился вниз в столовую, где уже завтракало всё семейство, услышал приветственные возгласы и удивился сёстрам, которые весело смотрели на меня и улыбались. Неужто пронесло?! За завтраком мама предложила поехать в соседнее с нами имение, благо помещик Лютов уже давно приглашал в гости, желая познакомиться с дядей. Мне очень не хотелось туда тащиться и, сказавшись нездоровым, я отверг мамино предложение. Сёстры переглянулись и дружно затараторили, что им там будет скучно, что лучше они останутся в усадьбе и порасспросят милого братца о Петербургских новостях, а то скоро туда ехать и нужно быть в курсе всего. «Ого, — подумал я, — это они неспроста решили, нужно быть осторожным и, конечно, извиниться за ночное randevu». Я закурил тонкую сигарку и решил подняться к себе наверх, чтобы разобрать и довести до ума бумаги, захваченные мною с работы. В окно я видел, как кучер закладывает крытую коляску, и минут через сорок дядя и маман загрузились и поехали. Посидев ещё немного, я решил спуститься вниз, чтобы налить коньяку, вышел в коридорчик и услышал из-за соседней двери:

— Николай, зайди к нам, пожалуйста!

Начинается! Ну, да ладно, пойду, извинюсь, а там — что будет. слушали вполуха, пялились на мои гениталии, нервно сжимая пальцы в кулачки. Лиза несмело поглядела на меня и тихонько промолвила:

— Николя, а можно потрогать? — покраснела и совсем смутилась.

— Конечно можно, сестрица, но очень аккуратно и нежно.

Пока Ольга касалась моего возбужденного естества, я придвинул к себе Лизу и начал ощупывать её прелестные перси, не забывая касаться ладонью лохматого холмика. Ольга, уже вовсю мявшая мой член, подняла затуманенный взор и внезапно впилась губами в мои губы. «Ага, проняло девочку, — подумал я, продолжая целовать и облизывать Лизу, но внезапно почувствовал, как пальцы сменились мягкими, тёплыми губками, дёрнулся, но был остановлен Лизиным шёпотом:

— Прости нас, Николай, мы тебя разыгрывали.

Она потупила взор, опустил глаза и жадно глядя на открывавшуюся картину: сестра, рот, мой залупастый молодец и жадное чмокание. Переступив через похоть, я приподнял голову Ольги от своего жеребца, строго посмотрел на сестёр и грозно молвил:

— Рассказывайте!

Они переглянулись, задавая друг другу немой вопрос, кто начнёт?, уселись поудобнее по разным сторонам от меня, Лиза глубоко вздохнула и начала рассказ:

— Ты знаешь, что маменька наша померла, когда нам с Ольгой только-только тринадцать исполнилось. Батюшка очень тяжело переживал, начал пить, ходил каждый день из угла в угол неряшливый, с потухшим и полумёртвым взглядом. Так продолжалось полгода, и мы уже не знали, как быть, что делать? Дела отцовские пришли в упадок, крестьяне начали разбегаться, в общем — полная катастрофа. Как-то приехала к нам дочка дальней родственницы, папеньке она приходилась троюродной племянницей: девица двадцати лет, дородная, но лицо печальное и сама тихая, как мышка. Отец её помер уж как пять лет,

оставив им с матерью непомерные долги, дом описали и, дабы не познать дочери все прелести нищенства, маменька отправила Софью к дальнему родственнику с надеждой, что тот найдёт ей в усадьбе какое-нибудь дело. Папа наш, добрейшей души человек, отнёсся к этому с полным пониманием и сильно не обременял племянницу работой, а поставил следить за нашим воспитанием, благо девица разумела в школьных науках и французский знала неплохо. Помаленьку Софи прочно влилась в семью и стала нам, как родная.

Миновало полгода, как-то нам с сестрой не спалось, лежали, шептались, но тут услышали из соседней комнаты, где жила Софья, стоны и какие-то шорохи, испугались, не заболела ли, соскочили с кровати, подошли к её дверям и чуточку их приоткрыли. На столике перед кроватью горела свеча в подсвечнике, а на пуховой перине, между ножек нашей родственницы, вбиваясь в неё изо всех сил, расположился папа. Софья металась по кровати, постанывала и посылала своё тело навстречу папеньке, крепко обняв его ладонями за голую задницу. От удивления мы оторопели и застыли на месте, жадно следя за происходящим, но затем опомнились и убежали прочь к себе. Полночи под одеялом мы прошептались, оценивая увиденное, и пришли к одному выводу: пусть всё будет, как будет, догадываясь ещё молодым, но уже женским умом, что все лучшие перемены, произошедшие с отцом в последнее время, связаны с его новыми отношениями с Софи. Ещё мы признались друг другу, что когда наблюдали действие, у каждой приятно заныло внизу живота.

Время шло, и ещё через год Софья родила мальчика, но роды были очень тяжёлыми, и она умерла. На отца было страшно глядеть — он постарел за день на 10 лет, заперся с бутылкой в кабинете, а мы, боясь чтобы не случилось самоубийства, изо всех сил пытались достучаться или открыть дверь.

А теперь, — Лиза внимательно посмотрела на меня, — я расскажу тебе то, о чём никто, повторяю, никто не должен знать!

— Конечно, сестра, продолжай!

— Время шло, и нам исполнилось по 15 лет. Именины справили скромно, так как батюшка был всё ещё под впечатлением смерти Софии, гостей не было, за столом мы, папа, да братик Сашенька с нянькой-кормилицей, но они ушли рано спать. Папа, как всегда, напился, и мы с Ольгой повели его в кабинет на диван спать. Раздели, уложили и тут заметили, как из штанов его вывалилась колбаска. Мы не были полными дурами в свои годы и знали, что это такое и откуда берутся дети, но вот так, вблизи, видели это в первый раз и, конечно, возникло желание потрогать и помять его, пока папенька ничего не чувствует. Мы приспустили отцу штаны, вдвоём стали поглаживать его друга и большие волосатые яйца. В детстве, впервые ощутив приятное щекотание внутри манды, мы научились развлекать друг друга руками касаясь письки, сосочков, целуясь и натираясь лохматками, благо жили в одной комнате, спали в одной кровати.

Я потянула за папенькину елду, и обнажилась синяя, крупная головка, а петух стал подёргиваться и встал торчком, наливаясь удивительной, неизвестной нам силой, а Ольга, нетерпеливая особа, задрала рубашку, схватила этого друга и стала натирать им секиль.

Голая Оленька дёрнулась, сверкнула на Лизу очами и хотела от меня отодвинуться, но я, схватив за прелестную попку, не отпустил её от себя ни на вершок.

— Мы обе понимали, что это нельзя, грех, — продолжала Елизавета, — но ничего не могли поделать с собой. И в эту ночь мы поняли, что нужно, чтобы батюшка опять был счастлив и здоров душою. Через неделю Ольга ночью пошла к нему в спальную, а на следующую ночь —

я. Не буду рассказывать, чего нам стоило его уговорить, но вот уже почти три года мы и папа счастливы и ничуть не сожалеем о том, что случилось. Теперь можешь нас осуждать.

Повисло неловкое молчание, которое я разрядил тихим смехом.

— Милые сестрицы! А теперь послушайте историю от меня.

И ваш покорный слуга, как на духу описал свои похождения с маман и Натали. Мы похихикали немного, но уже не было того стеснения и недоговоренности в глазах и словах, все втроём завалились на широченную кровать, и словно дети малые, стали играть, щекотать друг друга, поглаживая по срамным местам, целоваться. От всех этих игр елдак мой встал, аки колонна каменная и начал побаливать, давая знать хозяину, что пора бы разрядиться. Сестрицы мяли его, гладили, но дальше не заходило, и я решил взять действие под свой контроль.

— Ольга, Лиза, уж коли родителей не будет до ночи и мы узнали друг о друге много нового и интересного, не помахать ли нам, к всеобщему удовольствию?

Лиза шутливо пальчиком закрыла мой рот и надула губки:

— Право же вы, братец, грубиян, как мужик на конюшне! Разве можно так при девицах выражаться?!

— Даже нужно! И не только говорить, но и делать!

Я быстро перевернул Лизавету на спину, не давая опомниться, раздвинул ноги и со всего маха засадил своего жеребца в её волосатую пещеру. Сестра вскрикнула, подалась было назад в надежде сорваться с крючка, но узенькая, мокрая внутри пиздёнка выдала её с головой. Лиза хотела не меньше меня, а потому уже через минуту мы постанывали, двигаясь навстречу друг другу. Оля смотрела с завистью на наш танец и натирала себя между ног. Но вот Елизавета задрожала, выгнулась всем телом и замычала сквозь зубы. Я же сдерживался, потому что спустить свой нектар хотел Ольге. Только Лиза покинула место подо мной, как тут же его заняла сестра, аккуратно вставив внутрь себя моё естество и впившись в мои губы.

— Братик, Коленька, сильнее, сильнее... О, как мне это нравится!!

Я взял губами её крупный сосок и стал его накручивать, а руками мять две сдобных булки Ольгиной попы, и результат не заставил себя ждать. Вытащив наружу свой стержень, я уже совсем вознамерился обрызгать всё вокруг, но был несказанно удивлён, когда сестрицы рванули наперегонки своими губками, чуть-чуть не стукнувшись головами. Победила Лиза, и я стал со стоном изливаться в её ротик, потом в Ольгин, потом они обе облизали последние капельки с головки и в изнеможении откинулись на перину. Ольга так и не кончила, но я, недолго думая, засунул ей вовнутрь два пальца и стал яростно ими двигать. Через мгновение раздался торжествующий крик самки, и рука моя оросилась белесой жидкостью, которой было так много, что на перине сразу же образовалось большое, пахучее пятно. У меня в голове роились сотни вопросов, как это мои милашки-сёстры чуть ли не опытнее братца, кто их научил сосать и глотать и т. д., но я решил не торопиться, время на ответы будет.

Уставшие, потные, но очень довольные друг другом, мы расстались на время, скоро должны были приехать дядя и татап, но поклялись, что будем заниматься этими приятными упражнениями ежедневно и неоднократно.

(продолжение следует)